

Светлана ГОЛУБЕВА

Голубева Светлана Сергеевна родилась в 1967 году в пригороде Пскова. Автор четырёх книг стихотворений и прозы и трёх книг для детей. Произведения публиковались в ведущих литературных изданиях страны. Лауреат всероссийской литературной премии «Вешние воды», лауреат и дипломант международных и всероссийских литературных конкурсов. Член Товарищества детских и юношеских писателей России. Член Союза писателей России. Поэт, прозаик, публицист. Живёт в Орле.

«ЗА МНОЙ РОССИЯ ВСЯ ЛЕЖИТ...»

К 100-летию со дня рождения Евгения Зиборова

Человек вечно жить не может, а память – должна. В нашей власти воскресить воспоминания об ушедших, особенно когда вклад человека в историю поколений не оценим никакими существующими единицами мер, тем более, если речь идёт о таланте. Он человеку даётся не в личное пользование, а для нас, остальных, чтобы жить в нас всё благое и светлое, богоданное, чтобы не позволить довести мир до последней черты. Тем, кому посвящён был талант человека, следовало бы помнить это, но жизнь такова, что нередко память подводит. У Бога нет безвестных душ, но тут, на земле, в беспомощности, мы нищаем духовно, теряем высоту устремлений, равняемся на сиюминутность. Так и мельчаем, обкрадывая себя.

В 2022 году исполняется 100 лет со дня рождения большого орловского, русского прозаика Евгения Александровича Зиборова. Читающий орловец, кому сейчас лет немного за пятьдесят, сходу назвал бы пару книг этого писателя, например: «Бронбойщики», «Завтра придёт Иван», «Высота Безымянная».

Зиборову удалось создать произведения, предназначенные в первую очередь для молодого

читателя, очень ясные, русские по духу, проникновенные и потому не оставляющие читателя безучастным. Они увлекательны, с приключенческим сюжетом, где до конца не знаешь, кто друг, а кто враг, и когда наступит разоблачение. Действие большинства повестей и романов происходит в годы Великой Отечественной войны, что добавляет особенной пронзительности, а человеческие ценности, такие как отношение к подвигу, любовь, верность не только человеку, но и Родине, и себе, явлены читателю просто и ненавязчиво – как раз то, что надо для юношества.

«Во всех своих повестях Зиборов показывает, что готовность пойти на подвиг – не показное для солдата, вчерашнего крестьянина и рабочего, а мера его поведения, глубокая потребность природы. Труженики, руки которых знали одно – строить жизнь, тем более глубоко и остро ощущают зло войны», – писал в критической статье орловский поэт и критик Александр Серафимович Логвинов.

В прозе Евгения Александровича – не просто абстрактные рассуждения о русской натуре, о суровом времени. Зиборов – участник Великой

Отечественной войны, отсюда ещё одно неоценимое достоинство его творчества – достоверность.

Евгений Александрович Зиборов родился 6 февраля 1922 года в Орле. Отец его до революции служил на железной дороге, в 1918-м стал чекистом; в 1931-м его избрали секретарём партийного комитета одного из Орловских заводов, а в 1934 году он умер. Причиной смерти называют воспалившуюся старую рану, полученную во время гражданской войны. Сам Евгений в 1940-м по окончании средней школы поступил работать на орловский завод «Главтекстильмаш». В октябре 1941-го ему пришлось эвакуироваться в Среднюю Азию. Несколько месяцев он работал в хлопководческом колхозе Кассансайского района Наманганской области Узбекской республики, затем на строительстве горного водохранилища.

В том же году, спустя несколько месяцев, девятнадцатилетний Евгений добровольно ушел в армию. Воевал на Белорусском, Закавказском, Западном фронтах, был полковым разведчиком, десанником в танковой бригаде, помощником командира взвода стрелкового подразделения, командиром миномётного расчета. Несколько раз был ранен. О том, как воевал Евгений Александрович Зиборов, рассказывают наградные листы.

Приказом № 150 по горнострелковому Туркестанскому Краснознамённому полку 6 августа 1943 года от имени президиума Верховного Совета Союза ССР медалью «За отвагу» награждены несколько бойцов, в том числе, разведчик Зиборов, который *«27.7.43 под сильным миномётным и пулемётным огнём подполз к траншее противника, уничтожил 12 гитлеровцев, пытавшихся захватить пулемёт и отважного разведчика»*.

В 1944 году уже командир миномётного расчета старший сержант Зиборов Е.А. отличился ещё раз, о чём в наградном листе сказано: *«При прорыве обороны противника 6.10.44 в районе Расейняй Литовской ССР товарищ Зиборов подавил наблюдательный пункт противника и уничтожил до взвода пехоты противника»* (от 22 до 45 фашистов), за что был представлен к ордену «Красная звезда».

В 1945-м Евгений Александрович демобилизовался из рядов Советской Армии и уже в мирное время был награждён орденами Отечественной войны I и II степени.

И вот, молодой человек двадцати трёх лет от роду, с непростым жизненным опытом приходит в литературу. В 1947 году в «Орловской правде» появились первые стихи Евгения Зиборова. Одновременно он пробует силы и в прозе. В «Орловском альманахе» опубликованы его рассказы, первый из которых, «Твёрдые люди», посвящён военным событиям 1943 года под Орлом.

В 1951 году Евгений Зиборов пришёл на профессиональную работу в газету «Орловская правда». С 1956 по 1957-й, буквально полгода он возглавляет отдел в редакции газеты «Орловский комсомолец». И в 1957-м уходит в ответственные секретари многотиражки Орловского пединститута. По-видимому, человек не делал карьеры, а искал способа соединить заработок с возможностью писать художественную прозу.

В 1959-м отдельным изданием выходит его первая книга – «Лёнька-трубач». Героика гражданской войны, которой было озарено детство, нашла воплощение в раннем творчестве Евгения Александровича. Книга стала заметным событием не только в Орловской области, но и за её пределами и вскоре была переиздана (1962), позже ещё несколько раз. Автор получил множество писем от юных читателей с вопросами о герое повести. Ответ писателя детям опубликован в газете «Орловский комсомолец» за 25 февраля 1964 года. Зиборов писал: *«Лёнька-трубач выдуман. Но зато образ его списан с разных людей, чьи судьбы во многом схожи с рассказанным в книжке»*.

Буквально одному эпизоду Курской битвы 1943 года посвящена повесть «Высота Безымянная» (1962). Она также не осталась незамеченной читателями и товарищами Зиборова по перу. «Книга Зиборова очень достоверна», – так говорил о «Высоте безымянной» орловский прозаик, начавший фронтовой путь солдатом-стрелком и дошедший до Берлина в офицерском чине Леонид Николаевич Афонин. Но и при всей фактологической правде, повесть наполнена жизнью, её герои – люди с разными характерами – любят

и ненавидят, предают и разоблачают, воюют, не предполагая в этом подвига, горюют о погибших и раненых товарищах, так и не привыкнув к тому, что смерть всегда рядом.

Членом Союза писателей СССР Евгений Александрович стал в 1963-м. И в том же году он возвращается на работу в «Орловскую правду».

Издаются и другие сборники повестей, романы писателя: «Жаркое лето» (1965), «Солдаты идут за солнцем» (1965), «Деревья остаются большими» (1966), «Мои сограждане» (1967), «Спустя годы» (1969), «Завтра придет Иван» (1970), «Бронебойщики» (1971), «У огненной черты» (1971), «В северном море – ноль» (1975). За десять лет – девять книг.

Осторожуетный роман «Завтра придёт Иван» написан на основе архивных материалов о работе орловского антифашистского подполья. Мы знаем об этом из заметок поэта, прозаика, литературоведа Ивана Григорьевича Подсвинова.

Первая не прозаическая книга – сборник стихов «Над миром звезды» 1960 года издания, – единственная стихотворная книга Евгения Александровича. Для читателя XXI века она по-своему любопытна. Лет десять назад такие стихи показались бы лукавством, но надо постараться понять людей того времени, одержавших победу над умным, жестоким, отлично вооружённым врагом. С какой охотой, должно быть, они брались за мирный труд и достоинство победителя приумножали достоинством труженика. Как довольно ещё молодому человеку (38 лет), вышедшему из войны победителем вместе со всем народом, не испытывать радостной жажды труда, не видеть высокой цели созидания, не воспевать её в стихах?

Романтику труда – очевидную сильную сторону поэтического творчества Зиборова – подчеркнул в критической статье поэт Дмитрий Иванович Блынский: «Стихотворное слово часто приподнято, звучит с пафосом, но этот пафос никогда не отрывается от земли, его корни глубоко вросли в благодатную почву родного края». Блынский отмечал также: «Как и в прозаических произведениях, в стихах Евгения Зиборова остаётся романтическое начало».

С такой точки зрения стихотворение «Экскаватор» не удивительно. На взгляд читателя, далёкого от войны, от повсеместного восстановления, всеобщего возрождения к жизни, кажется, экскаватор не может служить поводом для стихосложения. Но по тому времени это вполне оправданный посыл для творчества.

ЭКСКАВАТОР

*Он переполз на брюхе рвы,
урча, под косогор скатился,
в горбушку глины и травы
железной челюстью вцепился.*

*Он рвал пласты тугие недр,
клыкастой бороздил гребёнкой
и, жадный, всё-таки был щедр,
бросая за плечи щебёнку.*

*Он врылся весь. А на заре,
подняв победно ковш блестящий,
мигнул глазами фонарей,
умолк, тяжёлый и могучий.*

*На лапах чёрных сохла грязь,
и, высыхая, розовела.
Он отдыхал, не удивясь
тому, что смог такое сделать.*

*А мне казалось – он здесь встал,
чтоб новый пласт подмять под брюхо –
недаром взглядом фар искал
земли нетронутой краюху.*

Земля в этом стихотворении сравнивается с горбушкой хлеба. Похожий образ прослеживается в стихотворении «**Весенняя теплынь**»:

*Глядит дорога полевая
на яровых широкий клин.
В дыму зелёном поспекает
коврига влажная земли.
Весна...
Пусть от неё мозоли
на руки пахаря легли –
мы эту синь, теплынь,
раздолье
всю зиму в сердце берегли.
В амбарах зёрна ворошили
и под весёлый, гулкий звон
на жарком пламени калили
стальные гребешки борон...
И нам казалось,
что средь пахучей тишины
вновь яровое поднималось
на тёплом противне весны.*

Стихотворение «**Аврал**» живо описывает опасную ситуацию, возникшую, быть может, на строительстве плотины. Даже не саму ситуацию, а те эмоции, с которыми юноши и девушки её преодолевают:

*Даёшь!
Пускай синеют губы,
пусть пробивает тело дрожь –
сквозь туго стиснутые зубы
твердим упрямое: даёшь!
Нажим – и, мускул напряжняя,
бросок, нажим – и вновь бросок...
Упрямство наше вместе с глиной
легло потокам поперёк.*

Таковы сила, энергия людей, которые никогда больше не будут знать беды – они в этом уверены. Уверен и от всего сердца желает этого потомкам лирический герой стихотворения «**Медаль**»:

*Медаль военная моя,
далёких дней свидетель,
ты дорога,
и всё же я
хочу сказать вот это:
пускай, мерцая серебром,
лежит медаль солдата
не на груди, а под стеклом
музейным экспонатом.
Пусть новым,
юным,
молодым
хозяевам планеты
неведом будет чёрный дым,
военных дней рассветы.
Пускай другой их в жизни ждёт
почётный знак медали –
за славный труд,
за смелый взлёт
в космические дали.
А наши –
пусть хранят века,
как слитки ратной славы
с рельефом сабли и штыка
на серебряном сплаве.*

У Евгения Зиборова свой взгляд на войну, который можно бы определить как «в малом – большое». Маленький, свисающий в окоп вьюнок, тонкие, посечённые осколками осинки олицетворяют целую страну, народ, вместе с тем, каждого человека в отдельности, готового во имя свободы на любую жертву. Таково творческое озарение автора, в полной мере осознавшего масштаб, всю глубину трагедии, её жестокое и неоспоримое право требовать от человека силы духа, праведного гнева, негибимой воли, жертвенной, самозабвенной любви к родной земле.

НА РУБЕЖЕ

*Пригнулись низко стебли ржи,
в окоп вьюнок спустился синий.*

За мной Россия вся лежит,
я – на виду у всей России.

Железо грохнуло вдали,
огнём губительным плеснуло.
И свет померк,
вьюнок в пыли,
и смерть в глаза мне
заглянула...

Но я отсюда не уйду,
осин рыжеющих не брошу
одних в пылающем аду
на косогоре с чёрной рожью.

Уж если смерть –
так лучше тут,
у ног простреленных осинок,
чтоб даже падая на грудь,
прикрыть хотя бы пядь России.

ФРОНТОВАЯ ВЕСНА

Ничья земля
за бруствером лежит
с начинкою из рваного металла.
Ольха,
упав на ржавые ежи,
ободранные локти разметала.
А там,
где колья вздыбили свой ряд,
воронки, как прозрачные оконца...
Нам кажется –
из них сейчас глядят
весенние расплавленные солнца.
И даже здесь
звенящий бег ручья
доносится сквозь минные разрывы.
Ничья земля...
Да кто сказал – «ничья»?
Попробуй-ка её из сердца вырви!

Недаром сшила ей, земле, весна
солдатскую зелёную рубаху.
Недаром к нам ползёт, обожжена,
ольха на локтях сбитый по оврагу.
Пусть у ежей железных залегли
бойцы, которым больше не подняться –
сейчас мы встанем
беспощадно злы –
и полоса ничейная земли
по праву будет
нашей называться!

В поэзии Евгения Александровича Зиборова есть то, что делает стихотворство поэзией: возвышенное романтическое начало, увлечённость идеей, эмоциональность и искренность, Но именно проза помогла ему наиболее полно выразиться как творцу.

Е.А. Зиборов возглавлял Орловскую областную писательскую организацию с 1966 по 1970 год. В 1971-м писатель переехал на жительство в Калининград, был членом бюро пропаганды художественной литературы, заместителем ответственного секретаря Калининградской писательской организации. Евгений Александрович умер 12 февраля 1994 года, похоронен в Калининграде.

Произведения Е.А. Зиборова в нынешнее время должны бы особенно цениться. Они – своеобразные документы, свидетельства войны, где каждая строка пережита самим писателем. В книгах он увековечил значимые события нашего города, оживил их своим художественным даром. Теперь они стоят на полках библиотеки. Стоит открыть, – и недавнее прошлое нашего народа, страны снова оживёт и в красках расскажет читателю о героях, не ведающих своего героизма, о бедах и победах, о торжестве силы духа, расскажет правдиво и образно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

К рассвету они наткнулись на старый, покрытый бурым еловым лапником шалаш и заползли в него. Вдали, невидимое за ершистым массивом леса, гудело моторами шоссе, доносились гулкие залпы – немецкие дальнобойные батареи вели неспешный методический огонь. На белёсых облаках трепетали розоватые отсветы, постепенно они бледнели и вскоре исчезли – рассвет затмил их.

Жезлов лежал ничком, глядя сквозь просветы лапника. Его сосед – невысокий, смуглолицый, с темной щёткой усов солдат в новенькой, выпачканной землёй шинели, настороженно прислушивался.

– Нет, ты скажи, вот мы попали, а? Это ж надо! – солдат крутил головой и повторял вновь:

– Вот попали, так попали... Фу, чёрт!.. – Он ещё не остыл от того, что с ними случилось ночью, и сейчас отводил душу.

Жезлов молчал. Ноги его горели – мокрые портянки во время блуждания сбились и нагёрли ступни. Он шевелил пальцами и думал о том, что его спутник прав: они действительно попали, и очень глупо, тогда, когда уже всё было сделано и они возвращались к линии фронта. А виноват Пашков, старший группы. Это он, торопясь, повёл разведчиков напрямик через шоссе. Конечно, так вдвое сокращалось расстояние, но... Впрочем, что теперь об этом говорить? И Пашков, и еще пятеро бойцов остались там, у обочины, простроченные немецкими пулями. И только они двое успели прорваться через шоссе и укрыться в лесной чаще. Они шли всю ночь по студеной болотной воде, обходя немецкие посты.

Солдат, наконец, успокоился. Он снял с пояса фляжку, отвернул пробку, понюхал и сказал:

– Натуральный! Трофей у фрица снял. Давай, сержант, по глотку... – Солдат сделал большой глоток, и кадык на его жилистой шее дёрнулся. – Причащайся!.. Фу!.. – Солдат с шумом выдохнул воздух и зажмурился.

Жезлов взял флягу и удивился – она оказалась почти полной. Запах спирта-сырца защекотал ноздри, Жезлов нюхнул и отрицательно покачал головой.

– Не время! Уснем. Он, проклятый, после такой ночи на обе лопатки уложит.

Солдат неодобрительно хмыкнул, но согласился:

– Ну, ежели так... Однако я ещё мало-мало...

Жезлов смотрел на его крупный кадык, на полное, с резкими чертами, из тех, что нравятся женщинам, лицо, и подумал: а ведь любит выпить мужик. И вспомнил, что вовсе почти не знает этого живого, как ртуть, человека – ни имени, ни фамилии. Впрочем, это не так важно. Главное – солдат он правильный и стреляет без промаха. Не будь его – лежать бы сейчас Жезлову у обочины шоссе.

– А здорово ты пулеметчика срезал, – одобрительно сказал Жезлов. – Он, паразит, из куста как дал... Я успел только повернуться...

Ефрейтор оживился. По лицу пошли красные пятна – видимо, спирт уже зашумел в крови.

– Я за ним, гадом, следил: сначала тень увидел, а как он высунулся с ручным пулеметом, так и на мушку взял. Пятнадцатый по счету!.. – ефрейтор негромко засмеялся. – Я, брат, считаю, когда вот так, один на один...

Жезлов кивнул. Что ж, и у него, Жезлова, тоже есть личный счет. Правда, не мертвяков, а живых, тех, кого он когда-либо волок с кляпом во рту. Жезлов машинально пощупал свою грудь – там, под гимнастеркой, лежали карта и пачка немецких документов. Что ж, не зря легли у шоссе его товарищи. Дело сделано, теперь осталось немного – скоротать этот тревожный, пахнущий сыростью осенний день и ночью выйти к реке. Там, в наших траншеях, уже заждались.

Однако благодумствовать не время. Сейчас они ещё в немецком тылу. И хоть вокруг один лес, надо быть начеку.

– А у меня здорово получилось... – Ефрейтор сверкнул белыми зубами. – Вообще, у меня всё невзначай получается. Ведь я позавчера только из госпиталя... Попал прямо с корабля на бал. И сегодня влипли невзначай... И в госпиталь-то невзначай определился.

Ранение-то плёвое было. По знакомству врачиха из санбата устроила. – Ефрейтор опять ухмыльнулся, вновь засветились его ровные белые зубы. Видимо, воспоминание о врачихе было приятным, потому что ефрейтор сощурился, и глаза его масляно заблестели.

Жезлов повернулся набок – пусть поболтает, по крайней мере – не уснёт, да и надо же убить время.

Ефрейтор поудобнее приладил автомат и, смачно зевнув, продолжал:

– В общем, бабеч – что струч сладкого перца... Пяток годков скинуть – была бы экстра-класс. Да... Бельё шелковое, сама – молоко... – Ефрейтор зажмурился.

Жезлов мотнул головой. Странно, нелепо звучали эти слова среди шума мрачного, мокрого леса, где пряталась тревога. И все-таки, несмотря на то, что здесь была не знакомая солдатская землянка, а всего лишь чужой дырявый шалаш и где-то в двух-трёх километрах на огромных дизельных грузовиках катили гитлеровцы, Жезлов внимательно вслушивался в журчавший ручейком голос ефрейтора. И по мере того, как тот, не смущаясь, рассказывал пикантные подробности, Жезлов, всё более поражаясь, с каким-то удивлением смотрел на собеседника. «Ну и хабло! – мысленно заключил он. – Ему бы экспертом в борделе быть»... Жезлов вдруг вспомнил Маринку, жену, её бархатные тёмно-коричневые глаза, пухлые пунцовые губы, ямочки на локтях, и у левого соска небольшое, похожее на каплю фиолетовых чернил, родимое пятнышко... Он так живо представил ее, сонную, раскинувшуюся на подушке, по-детски почмокивающую губами, что даже ощутил волнующую теплоту ее тела.

Быстро, как колодезный ворот, раскручивались мысли. Жезлов вновь увидел Маринку – еще девочкой-недотрогой, с насупленными бровями, с голубой ленточкой в толстом згугте косы, гибкую, похожую на тростинку. Ну и доставалось от

неё однокласснику Сашке Жезлову! И он платил ей тем же, устраивал разные ребячьи пакости, и дело дошло до того, что в восьмом классе они рассорились на всю жизнь... А жизнь, к удивлению, преподнесла сюрприз: спустя четыре года свела их так, что начали оба носить одну и ту же фамилию...

Жезлов мямл травинку, лицо его подобрело, морщинки на нём разгладились, и лёгкая полуулыбка блуждала в уголках рта. Сейчас вспоминалось только светлое, хорошее, что было в их недолгой совместной жизни. Так уж, видно, устроена человеческая память – помнить приятное. Конечно, было и другое. Однако у кого его не было?.. Например, Маринка самозабвенно любила танцы. А Жезлов считал их не совсем невинными – многозначительные взгляды, пожатия рук, прикосновения – вроде было случайные, мимолётные, и прочее – всё это он представлял очень живо и ревновал Маринку к партнерам. «Дурачок! – говорила в таких случаях Маринка. – Не будь скучным ревнивцем. Я не хочу скучного мужа!»...

Да, она, конечно, была права. И Жезлов приходил с ней на танцплощадку, раз-другой крутился в вальсе, потом ему это надоедало, он отходил, отворачивался и мучил себя глупыми мыслями, с нетерпением ожидая, когда наконец умолкнет оглушительный рёв репродуктора...

Жезлов вздохнул. Каким дураком он был тогда!.. Сейчас – да не только сейчас, это он понял еще в тот, самый первый день, когда его, одетого в форму, крепко обняли горячие руки обесшмятевшей Маринки, – Жезлов понял, насколько был он слаб в борьбе с самим собой, несправедлив к Маринке и вообще...

Ему стало совестно – последнее письмо Маринки лежит без ответа уже две недели. «Век не прощу себе этого. Вернусь – сразу же два письма напишу, – решил Жезлов. – Пусть читает...»

В первое время они переписывались часто. Иногда, как и у всех, письма пропадали – кто знает, почему. Шла война, и исчезновение писем никого не удивляло. Потом треугольники стали ходить реже – Жезлова мотало по фронту, а Марина эвакуировалась куда-то в глухомань, где не было железной дороги. Теперь она в большом городе,

да и Жезлов приписан не к полку, а к армейской разведгруппе, письма могли бы идти и почаще, однако они не спешили. Жезлов считал, что виной он сам: на письма следует отвечать сразу.

– Сержант! Дремлешь? – Жезлов очнулся от воспоминаний: ефрейтор потряс его за плечо. – Нет?.. Тогда слушай... В госпитале я познакомился с одной рыжей молодкой. Она из шефов была, шефы к нам часто ходили. То подарки принесут, то концерт организуют, то еще что-нибудь. В основном женский состав приходил. Ну, а у нас в отделении выздоравливающие ребята собрались – на подбор. Были у меня три дружка, земляки, холостые. Ну, известно, терять им нечего, всё равно на фронт идти, почему и не погулять? Я, хоть и женат, да холостяцкая закалка сказывается. Встрял и я раз с ними. И получилось в компании так, что нас четверо, а баб вдвое больше. И, понимаешь, среди них и оказалась эта рыженькая. Я как глянул – ахнул. Ну, думаю, не я буду, ежели не... Как выпили по второй, я её на танцы пригласил. Отказалась! Что такое? Сколько ключей перепробовал – все напрасно. Ну, думаю, нужна отмычка!.. На других-то я и не гляжу. Уж больно статью хороша, скромна и гордость в глазах. А всё дело в том, что муж у ней где-то, чуть ли не на нашем фронте воевал. У других-то кто убит, кто без вести, ясное дело, по ласке соскучились, да и горе надо развеять. Живые о живом думают. И, представляешь, сколько я заходов сделал в тот вечер и после – ни в какую, как горохом об стенку... А я, надо сказать, по натуре охотник, меня хлебом не корми, дай поохотиться. Я, между прочим, по этой причине и в разведку пошёл... Да, значит, вовсе я пал было духом, а охотничья жилка – своё...

Жезлов теперь слушал со вниманием. Странное чувство владело им. Было не то чтобы противно, а словно по голому телу полз слизняк, и вместе с тем любопытно. Его, пожалуй, заинтересовал не столько рассказ, сколько судьба неведомой рыженькой женщины. История эта какими-то незримыми нитями связывалась с теми мыслями, которые несколько минут назад обуревали его.

Ефрейтор, щуря синий озорной глаз, смотрел сквозь лапник на редкую поросль отдаленных елочек и медленно, с паузами, продолжал:

– Ну, короче говоря, я чуть себя не возненавидел. Какой я, думаю, к чёрту, мужик, ежели для бабы круглый нуль? Честно скажу: в первый раз почувствовал это... Ну, как сказать, любовь, что ли... Лежу на койке ночами, не сплю, все её в разных видах представляю. А тут, понимаешь, время поджимает – дело к выписке пошло. И вот решился я на такой, между прочим, тактический ход... Затеял я вечер на одной частной квартирке. Тут как раз праздник приспел – Новый год.

Расколосся, спирту достал, земляков с подружками пригласил. Всё чин-чином. Рыженькую свою, конечно же, в первую очередь. Угощаю – не пьёт, чуть пригубит и в сторону. Ну, думаю, пора употреблять и отмычку. И предлагаю ей выпить за мужа, за то, чтоб был жив и здоров, за встречу после войны и теде, и тепе... Ну, здесь она и не удержалась. Эх, брат, что с ней стало! Фейерверк!.. Затмила всех! Смеется, танцует, доброй стала и даже ласковой. Спасибо, говорит, за теплые слова, Алексеюшка. Я молчу, жду. А дальше, известное дело, скисла она... Спирт девяностоградусный, я его чуть развёл. Мужики окосели, что говорить о женщинах? Ну, я вижу, что пора, оделся в чужое пальто (мы ведь в халатах явились, благо госпиталь в полста метрах находился) и пошёл провожать.

Пришли на квартиру. Холодно. Темно. Видать, живёт трудно. Зажгли коптилку. Она на постель села. «Не могу, говорит, голова кружится». Я открыл ещё одну склянку, что с собой прихватил, и говорю: так-то и так-то, послезавтра мне в маршевую роту, и кто знает, буду ли я живым. А поэтому не откажи за моё здоровье... Ну, и выпили. Эх, сержант! Жаль мне, конечно, её мужика, а что поделаешь...

Ефрейтор умолк. Молчал и Жезлов. Ветер раскачивал сучья, мелкий дождь неслышно сыпался с затенённого кронами деревьев неба. Ефрейтор почесал переносицу и продолжал:

– Наутро проснулся я – рядом никого нет. Смотряю – у стола сидит. Лицо каменное, глаза огромные, и синева под ними. Я на правах хозяина к ней и... Такую оплеуху мне она отвесила – из глаз искры, как от точила. А потом всхлипнула и замерла... Полторы недели я к ней гостем ходил после того. А когда уехал, раза три письма посылал – не ответила. Гордая. Я-то понимаю: сове-

стится. А чего совеститься? Живой человек, чего тут драмы устраивать? Ежели по такому поводу переживать, человечеству конец пришёл бы. А муж... Небось, и он не отвернётся, ежели подходящая юбка встретится. Уж я ей так и написать хотел, да раздумал. Оскорбится. А зачем мне плевать в колодец? Пригодится напиток. Верно?.. – ефрейтор засмеялся и ещё раз зевнул – видно было, что сон его начинал одолевать.

– Вот вернёмся к своим в роту, – сказал ефрейтор, укладываясь поудобнее, – я тебе покажу ее фото. Когда уезжал, из ридикюля вытащил. На память. В полевой сумке и храню. Чтоб всегда при мне, как в песне поется...

Жезлов поморщился. История, конечно, была заурядной. Жизнь, она со всякими вывихами. И эта рыженькая, не первая, да и не последняя. И ефрейтор – охотник, увы, не единственный. И всё-таки Жезлов не мог успокоиться. Словно холодок пробежал между лопатками. Так, – спросил он себя, – вот ты слушал этого трепача, и довольно спокойно. А ежели б так случилось с Маринкой?.. Жезлов ощутил, как кровь молоточками забила в висках. Как бы, зная об этом, ты встретился с ней?.. Что сказал?.. И вообще, как жил бы после этого?.. Простил?.. Застрелил?.. – Скрипнув зубами, не найдя ответа, Жезлов почти зло толкнул ефрейтора.

– Не спать! Слышишь?.. – И, глядя в упор на сонное лицо очнувшегося ефрейтора, спросил: – Как тебя звать-то?.. Всё ты да ты, а как по-человечески?..

– Никитин Алексей Трофимыч... Ты чего это, сержант?.. – ефрейтор недоуменно почесал обросшую щеку. – На, хлебни. Для сугрева. Ветер, дьявол, пробирает.

Жезлов взял протянутую ему баклажку и, ни слова не говоря, прицепил ее на свой пояс. Ефрейтор вскинул брови, но через минуту согласно кивнул.

– Точно! Она, дьявол, смущает меня. Вернёмся – утолим жажду. Верно, а?..

И опять они умолкли, поочередно выглядывая наружу, вслушиваясь в шорохи и отдаленный гул, изредка перебрасываясь короткими фразами. Когда начало смеркаться, Жезлов встал на колени, перекинул на грудь успешный схватиться капельками ржавчины авто-

мат и выбрался из шалаша. За ним на короточках выполз Никитин.

– Гляди влево... Я буду смотреть на правую сторону. Сейчас нам, самое главное, на патрулей не напороться бы... Ну, шагаем!..

Трудно сказать, сколько времени они двигались по сумрачному лесу. Казалось, прошла целая вечность. Лишь когда началась опушка, они легли на влажную, пахнущую гнилью листву и оставались неподвижными до тех пор, пока не стали различать низкие тени кустов, сбежавших на пологую кочковатую равнину. Там редко-редко трепетал желтый свет ракет, косые красные и голубые строчки трассирующих пуль взмывали куда-то к тучам и гасли...

– Опять болото, язви ее мать!.. – ефрейтор поёжился. Шинель его набухла, стала тяжелой. Жезлов давно сбросил свою, оставшись в одной плащ-палатке. Так было холоднее, зато идти было удобнее.

– Пошли!.. – решительно сказал Жезлов. – Там у них траншей сплошных нет, только ячейки...

Ефрейтор чертыхнулся сквозь зубы и сбросил с плеч тяжёлую шинель.

– Пусть, дьяволы, пользуются... Ползём, сержант!..

Проваливаясь в жидкую, слабо отсвечивающую, грязь, взбираясь на встречающиеся кочки, они приближались к невидимой отсюда реке.

– Тсс!.. – Жезлов припал к мшистой кочке. На той стороне взлетела ракета, и при ее свете неправдоподобно отчетливо и близко зачернели две фигуры.

– Патруль! – одними губами прошелестел Жезлов. – Возьмем?..

– Давай! – также беззвучно ответил ефрейтор и кошкой пополз в сторону. Жезлов ощупал нож с наборной рукоятью и вытащил его из ножен.

Патрульные не ожидали нападения. Жезлов ящерницей подполз к одному из них и вскинулся, как разжавшаяся пружина. Одновременно с ним ефрейтор прикладом свалил и второго.

– Готов!

Жезлов стоял на коленях, прислушиваясь. И вдруг совсем рядом, словно из-под земли, раздалась автоматная очередь. Жезлову даже показалось, что струя трассирующих пуль прошла сквозь темную фигуру вставшего ефрейтора.

В следующий миг Жезлов прыгнул вперед, наугад, и покатился вниз...

Это был третий патрульный, сидевший в воронке. От него пахло дерьмом, и Жезлов лишь потом сообразил, чем тот занимался. Покончив с немцем, он выскочил наверх, к Никитину. Тот лежал на животе и слабо постанывал.

– Живой?! – Жезлов склонился над раненым.

– Жив... Зараза, в задницу влепил! – ефрейтор выругался, зло, с каким-то сожалением, словно он очень хотел, чтобы пули угодили в иное место.

– Идти можешь?

– Давай, помогай...

Обняв ефрейтора, Жезлов потащил его к чёрной воде по низкому песчаному берегу.

– Ничего, Никитин, держись... Только бы не мины... – Жезлов задышался. Грузный Никитин оказался почти беспомощным, каждый шаг причинял ему острую боль.

– Зараза! – ругался он в ухо Жезлову. – Это же срам, а не рана!.. Совестно в санбате показывать! У, паразиты!..

Когда под ногами захлюпала вода, Жезлов перевёл дыхание.

– Ну, кажись, пронесло. Теперь прямо, река неглубокая, пройдем...

Однако от дождей уровень воды оказался гораздо выше, чем обычно. И невысокий Никитин начал захлёбываться. Раза два они падали, оступаясь в донные ямы. Жезлов, набрав воздух, нырял и вытаскивал ефрейтора, которого начало тошнить.

А позади обнаружили убитых патрульных. Взлетели ракеты, огненный шквал ударил по реке. Сначала это были только пули. Но затем посыпались мины. Вода с клокотаньем поднималась фонтанами, потоками обдавая Жезлова, на плечах которого лежал ефрейтор.

Шаг за шагом сержант медленно приближался к берегу. Он шатался, ноги его оступались. Но вот уже и осока, а дальше – невысокий обрыв. Выше, на взгорке – спирали Бруно и наша траншея... И, опять оступившись, Жезлов упал в воду и, став на колени, поволок за собой ефрейтора, который пытался кое-как помогать ему.

– Ещё чуть... Ещё... – хрипел Жезлов. – Вот он, берег, слышишь?... – вытащив из воды Никитина, Жезлов без сил упал ничком на сырой берег.

И в этот момент между ними блеснула ослепительная вспышка и раздался звенящий удар...

Когда Жезлов пришел в себя, Никитин стоял – тонко, продолжительно, и голос его не был похож на человеческий.

Прижимая к себе онемевшую левую руку, Жезлов склонился над ефрейтором.

Тот смотрел широко раскрытыми глазами, и в них отражались всполохи ракет.

– Ты?... – вдруг чуть слышно спросил слабым голосом Никитин. – А мне брат... живот распорол... Вот, вишь, опять невзначай... Ты напиши... В Ярославль... – он не договорил – судорога встряхнула его тело.

Жезлов выпрямился на негнущихся ногах и пошёл прямо к чёрному горбу бруствера. Кто-то подхватил его, он почувствовал, как его осторожно спускают вниз, кладут на носилки и несут, несут по узкому коридору. Он думал, что умирает, – слишком уж мутилось сознание. Когда эта мысль осветила его мозг, он испугался. А документы?! И, преодолевая боль и усталость, свинцом налившую голову, он вскочил – нет, сполз с носилок, встал, опираясь о чьё-то плечо, и, как был – непокрытый, с диким огоньком в запавших глазах, с кровоточащим свежим бинтом на левой руке, прихрамывая, вошёл в низкую дверь блиндажа.

Скорее угадав, чем увидев, знакомое напряжённое лицо с усталыми внимательными глазами, Жезлов вытянулся и, обрывая пуговицы, достал из-за пазухи клеенчатый свёрток.

– Товарищ майор! Разрешите доложить: задание выполнено!.. – отчеканил он в настороженной тишине. Впрочем, так ему только казалось. На самом деле голос его был тих и хрипл, и говорил он с большими паузами. Жезлов подал свёрток майору и прислонился к стене, слушая всплеснувшийся гул голосов. Сквозь синеватый туман, заволакивающий блиндаж, он видел расплывающиеся лица, ощущал рукопожатия, но всё это казалось призрачным. Ноги ослабели. Он медленно пополз вниз, мучительно думая, что сделал ещё не все, и напрягая поэтому свою память. И опять зарница вспышкой озарила его мозг – и он уперся ногами в пол.

– Никитин!.. – сказал он. – Его вещи... Где?

Через десяток минут Жезлов сидел на нарах в большом пустынном блиндаже, освещённом двумя светильниками – стаканами медных артиллерийских гильз. Черноусый старшина положил перед ним тугой новенький вещмешок и поблескивавшую коричнево-красным лаком полевую сумку. Старшина с минуту следил за движением руки Жезлова, потом перевёл глаза на его лицо и, шевельнув усами, сказал:

– Вот... Всё никитинское хозяйство!

Жезлов кивнул. Морщась, он отодвинул в сторону тяжёлый вещмешок и поднял сумку.

– Понимаешь, он просил написать... жене... – соврал почему-то сержант и потянул за ремешок. Старшина понимающе кашлянул и, помедлив, направился к двери.

Он стоял и курил у входа, слушая окопный шум. Мысли его были самые обыкновенные: сейчас надо будет написать рапортчку о наличии активных штыков, вычеркнуть из списка Никитина, Пашкова и ещё шестерых, собрать их вещи, сдать на склад и... Необычный звук, донесшийся из блиндажа, поразил его. Бросив окурок, старшина толкнул плечом дверь.

Жезлов сидел за столом по-прежнему. Перед ним валялась пустая баклажка, а в быстро сохнущей лужице спирта мокли старые письма и тёмный прямоугольник фотографии. Поодаль, на сухом месте – четвертушка бумаги. Узловатая, подрагивающая рука Жезлова водила по ней карандашом, оставляя кривые строчки.

Старшина остановился за спиной Жезлова. Взгляд черноусого упал на фотографию очень миловидной молодой женщины с большими выразительными глазами. Внизу, по белому обрезу, наискось расплылась фиолетовая строка: «Родному Саше. Маринка».

Жезлов поднял тяжёлую голову и так посмотрел на старшину, что тот недоумённо пожал плечами и отступил к стене.

Мотнув головой, словно от приступа зубной боли, Жезлов вновь склонился над заскрипевшим фанерным столом. И ещё раз странный звук, вырвавшийся из горла Жезлова, услышал старшина. Будто кто-то крикнул сквозь сдавленное цепкими пальцами горло, да и смолк...

Вновь побежало по бумаге ломкое острие карандаша. «...Со мной, Марина, всё в ажуре, продолжаю бить фрицев. И спешу сообщить, что лично знакомый тебе Алексей Никитин, выполняющий задание командования, нынешней ночью был тяжело ранен и умер на моих руках... Перед смертью он просил сообщить тебе, что умер как солдат. О чём я и пишу.

А если от меня долго не будет вестей – знай, что предстоит очень серьёзное дело, при котором писать не будет возможности.

Желаю хорошей жизни и удачи. И помни, что ещё есть на свете окопник по имени Сашка Жезлов...»

Карандаш с треском обломился, стол качнулся, и язычки пламени замигали над гильзами. Жезлов поднялся, взмахнул здоровой рукой, как птица подбитым крылом, и медленно начал валиться на спину...

Когда санитары унесли Жезлова, старшина сгрёб со стола бумажки и сунул их в полевую сумку. Взяв полотенце, он начал вытирать стол и, шевеля расчёсанными усами, проворчал:

– Чудак!.. Сил нет, а взялся письмо писать... Придётся, видно, мне извещать жинку Никитина. Куда ж от своей доли деваться?.. Охо-хо!..

